

Николай Дылевский (София, Болгария)

ПАМЯТНЫЙ СБОРНИК

Византия и Русь. Сборник памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. 1937—1981. М., Наука, 1989 335 с.

Изящно оформленный сборник „Византия и Русь“ посвящен памяти Веры Дмитриевны Лихачевой, выдающемуся советскому специалисту по византийскому искусству, известному своими работами не только в отечестве, но и в зарубежной византистике, жизнь которой столь неожиданно и жестоко была прервана в расцвете творческих дарований, свершений и научных замыслов.

Сборник богат содержанием и многообразием тематики, имеющей непосредственное или близкое отношение к научным интересам ушедшей от нас Веры Дмитриевны Лихачевой, и вводит нас в мир ее размышлений, размыслов, планов и достижений, в атмосферу, которой жила и полноценно дышала Вера Дмитриевна до последнего предела своего человеческого пребывания.

Сборник открывается мемориальной статьей доктора искусствоведения Г. К. Вагнера „Памяти Веры Дмитриевны Лихачевой“ (1937—1981), в которой прослеживаются и подвергаются оценке основные этапы ее творческого пути и характеризуются итоги достигнутого ею в различных областях византистики.

В статье очерчивается облик выдающейся византистки в различных аспектах оставленного ею творческого наследия. Автор статьи отмечает ее уважение к фактическому материалу, проявляемое с первых шагов на научном поприще и ставшее неотъемлемым качеством научного стиля Веры Дмитриевны, трезво-реалистический взгляд на вещи, особое внимание к соответствию формы изложения поставленной исследовательской задачи, полная отчужденность от модной манеры эссеистического изложения, превращающей науку в беллетристику, строгость отношения к „языковой этике“, наличие качеств, являющихся неотменным признаком научного творца высокой пробы. Сильной стороной исследований В. Д. Лихачевой всегда была научная объективность. А насыщенные строгим научным изложением бытовыми реалиями свидетельствует

об остроте видения В. Д. Лихачевой далекого исторического прошлого. И это живое чувство давно прошедшего сообщает ее работам отпечаток актуальности. К этим индивидуальным качествам подлинного ученого необходимо добавить широту искусствоведческого кругозора В. Д. Лихачевой, ее интерес не только к миниатюрам, но и к станковой, монументальной живописи, к декоративно-прикладному искусству, частично к архитектуре, а также к вопросам каталогизации материала, реставрации, копированию. Ее творческая продуктивность диалектически сочетала в себе значительность количества с высоким уровнем качества. В запечатленное Г. К. Вагнером можем подключить отдельные штрихи творческой природы В. Д. Лихачевой, отмеченные авторами различных публикаций в сборнике. Так, З. В. Удальцова в очерке „Памятники византийского искусства на острове Сицилия“ подчеркивает блестящую эрудицию Веры Дмитриевны и доскональные познания в области иконографии и художественных особенностей сицилийских памятников византийского периода. В. Г. Пуцко выдвигает ее внимание к проблемам развития книжного искусства Византии и стремление к новому освещению и восприятию рукописной книги как сложного, но целостного организма. В глазах В. Г. Пуцко это было большим шагом вперед по сравнению с существовавшей прежде практикой изолированного изучения сюжетной миниатюры и орнаментальных украшений. Т. Ф. Владышевская пишет об увлечении Веры Дмитриевны в последние годы ее жизни широким, целостным изучением всей культуры Византии и в том числе ее музыки. А. А. Рыбаков пишет о ее живейшем интересе к художественному богатству русского Севера, к новооткрытым северным иконам и фрескам, представляющим новый материал для изучения эволюции художественного творчества на далекой северной окраине византийского мира. Все изложенное образует выразительный творческий портрет Веры Дмитри-

евны Лихачевой, долженствующий вызвать непредвзятое отношение к нему, как отвечающему правде, у всех, хорошо знакомых с многоаспектным византийским наследством покойной Веры Дмитриевны.

Свой посмертный очерк пройденного В. Д. Лихачевой недолгого, но насыщенно-творчески пройтого житейского пути Г. К. Вагнер подытоживает следующей концовкой: „Окидывая в заключение общим взором все сделанное В. Д. Лихачевой за ее короткую жизнь, приходишь к мысли, что от нас ушел не просто искусствовед-византист, но искусствовед-историк-культуролог. При этом, я имею в виду не столько неизменный историзм ее исследований, сколько конкретную человечность этого историзма. Византийское искусство выступает под пером В. Д. Лихачевой без всякого преувеличения его теологичности, равно как и светскости. Оно выступает, конечно, сложным, но жизненно реальным творением реально ощущаемых людей. . . Одинаковое уважение как к константинопольскому, так и к соседним с Византией очагам национальных искусств (София, Тырново, Тбилиси, Киев, Новгород и др.), освобождает исследования В. Д. Лихачевой от ложного византизма, но несколько не умаляет исследовательского пиетета к Византии — этому поистине великому мировому явлению“.

Знакомство с сборником „Византия и Русь“ мы должны продолжить обобщенным тематическим перечнем содержащихся в нем статей двадцати одного автора, создающих лицо сборника.

Памятники византийского искусства на острове Сицилия (З. В. Удальцова), Византийские иллюминированные рукописи — продукция императорского скриптория XI в. (Пуцко В. Г.), Византийская музыкальная эстетика и ее влияние на певческую культуру Древней Руси (Т. Ф. Владышевская), Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении (Ю. М. Лотман), Русские тексты о судьбе „греческих книг“ после падения Константинополя (Н. В. Синицына), О происхождении рукописи ГПБ, греч. 118 (Б. Л. Фонкич), О писце лондонской рукописи „Родосских песен любви“ (И. П. Медведев), Авессалом Ивирский — скриптор и писатель конца XVI — начала XVII в. (З. Г. Самодурова), Изучение и реставрация памятников художественной культуры Северной Руси (А. А. Рыбаков), Манеры мастеров фресок церкви Георгия XII в. Старой Ладogi (Б. Г. Васильев), Русское Предвозрождение и Феофан Грек в работах В. Д. Лихачевой (Г. К. Вагнер), Три сцены „духовных пиров“ в системе росписей коробовых сводов собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (Т. Н. Ми-

хельсон), Стеатитовый рельеф из кремлевского Благовещенского собора (М. Н. Пуцко-Бочкарева), Образ „Христа-архиерея“ в иконографической программе Софии Охридской (А. М. Лидов), Пещерный храм на главной улице Херсонеса (С. А. Беляев), Царь-мим (Я. Н. Любарский), Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры (П. А. Раппопорт), Традиция символизма в древнерусской эстетике (В. В. Бычков), Герменевтика писательского высказывания (на примере „Сказания о Борисе и Глебе“) (А. С. Демин), Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка (Б. А. Успенский), Переводы из средневековых литератур (С. С. Аверинцев).

Получившийся протажным перечнем содержания оказался необходим, так как ознакомление с ним утверждает удачность выбора проблематики для мемориального сборника, посвященного жизни и работам В. Д. Лихачевой. Кроме того, без него мы не были бы в состоянии получить представление об общем проблемном облике сборника. В узких рамках журнальной рецензии я не имею возможности остановить более пристальное внимание на предложенных участниками сборника работах и подвергнуть оценочному разбору каждую в отдельности. Необходимо отметить разносторонность их тематики, объединенную в то же время целью предназначения как иллюстрации научных устремлений В. Д. Лихачевой. Высокий уровень их научности не поддает сомнению, надежным ручательством чего служат имена и ученые звания и степени их авторов. В руках у нас солидный том, новая серьезная публикация в области современной советской византистики. Нельзя обойти молчанием и того, что подбор тематики статей в сборнике возвращает к жизни обстановку, в которой протекли часы и дни творческих бдений византиста Веры Дмитриевны Лихачевой, воспроизведение которой, воскрешая ее самое, превращает в реальность ее незримое присутствие на страницах книги рука об руку с живущими и творящими.

Сборник завершается публикацией работ разных лет Веры Дмитриевны и списком ее трудов, свидетельствующих, что она не сокрыла дарованные ей таланты, подобно лукавому рабу, но своею неиссякаемой ревностью многократно умножила их.

Нет сомнений, что посвященный ей памятный сборник представляет новый вклад советских византологов в освещение и изучение завещанных византийской древностью великих человеческих ценностей на различных поприщах жизни и созидательности. Налицо все предпосылки предвидеть, что он будет встречен заслуженной оценкой на страницах советской и зарубежной научной печати.